

УДК 323.281

doi 10.17072/2219-3111-2026-1-137-147

EDN: MAHGNE

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования *Кружинов В. М., Сокова З. Н. У истоков режима фракционной диктатуры: персональные изменения в центральных и региональных (уральских) партийных органах после X съезда РКП(б) // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 1(72). С. 137–147. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-1-137-147. EDN: MAHGNE*

У ИСТОКОВ РЕЖИМА ФРАКЦИОННОЙ ДИКТАТУРЫ: ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ (УРАЛЬСКИХ) ПАРТИЙНЫХ ОРГАНАХ ПОСЛЕ X СЪЕЗДА РКП(Б)

В. М. Кружинов

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6

v.m.kruzhinov@utmn.ru

Scopus Author ID: 57195629744

ResearcherID: MCJ-5186-2025

SPIN-код: 5475-3852

З. Н. Сокова

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6

z.n.sokova@utmn.ru

Scopus Author ID: 57195631073

ResearcherID: MCJ-5155-2025

SPIN-код: 4112-9046

На материалах Урала анализируется малоисследованная проблема – персональные изменения в руководящих органах большевистской партии, направленные на укрепление позиций ленинской группировки и изоляцию ее противников после X съезда РКП(б). Изучены механизмы и динамика кадровых перестановок в Уралбюро ЦК, губернских, городских, уездных и районных комитетах региональных организаций правящей партии, а также в ее центральных органах – Политбюро, Центральном комитете, Секретариате и Оргбюро ЦК, которые кардинально изменили расстановку сил на всех этажах партийной пирамиды и завершили процесс концентрации властных рычагов в руках ленинской группировки. Установлено, что практика кадровых перемещений и преследований партийных работников за инакомыслие, принявшая после X съезда системный характер, сопровождалась нарастанием аппаратных методов руководства партией и объективно вела к ужесточению внутривнутрипартийного режима, его трансформации в фракционную диктатуру, которая стала определяющим фактором эволюции ленинской модели власти в сталинскую. В этих условиях призывы к реанимации внутривнутрипартийной демократии, в том числе путем смещения Сталина с поста генсека, высказанные в последних работах Ленина, носили призрачный характер, поскольку не предполагали отказа от антифракционной политики той группировки, которая, доминируя в партии после X съезда, выдвинула Сталина на эту должность. Такая перестройка требовала реконструкции всего партийного здания, глубокого реформирования внутривнутрипартийных отношений, а по большому счету – и всей советской политической системы. Основная источниковая база статьи представлена архивными и опубликованными документами, материалами периодической печати, воспоминаниями и перепиской современников.

Ключевые слова: большевизм, внутривнутрипартийный режим, кадровая политика, конфликт, фракционность, Урал.

Введение

Неотъемлемым атрибутом ожесточенных фракционных конфликтов, охвативших большевистскую партию в 1920-е гг., являлись кадровые перемещения и преследования партийных

работников за инакомыслие и участие в оппозиционных группировках, которые кардинально изменили расстановку сил на всех этажах властной пирамиды и, по свидетельству их наблюдателя и аналитика, видного меньшевика-эмигранта С. Ивановича, завершились «ошеломляющим коммунистическим звездопадом» [Иванович, 1928, с. 194].

Хотя сегодня справедливость этих слов не вызывает сомнений, они чаще всего ассоциируются с фигурой И. В. Сталина и трагическими судьбами других «кремлевских вождей» – Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева или Н. И. Бухарина, падение которых с политического олимпа отразило важные стороны эволюции правящего режима, привлекая внимание нескольких поколений отечественных и зарубежных исследователей [Daniels, 1960; Олех, 1995; Пашин, Свириденко, 1998; Назаров, 2002; Писаренко, 2006; Halfin, 2007; Павлюченков, 2008; Жуков, 2014; Резник, 2018]. В меньшей мере и, как правило, фрагментарно представлены в исторической науке начальные проявления «коммунистического звездопада», истоки которого уходят в предсталинский период истории большевизма, когда по настоянию В. И. Ленина состоявшийся в марте 1921 г. X съезд РКП(б) объявил беспощадную борьбу фракционности и кадровые перестановки с целью укрепления позиций господствующей в верхах группировки начинают принимать системный характер, сыграв немаловажную роль в изоляции соперников будущего генсека и облегчив ему путь к вершинам власти.

В предлагаемой читателю статье практика кадровых перемещений и преследований партийных работников за инакомыслие и участие в оппозиционных группировках после X съезда РКП(б) исследуется на материалах Урала – крупного российского региона, где аккумулировались все драматические коллизии перехода от ленинской к сталинской модели власти, а репрессивные меры по отношению к участникам внутрипартийной оппозиции носили более открытый характер, чем в большевистских организациях центральных районов страны. Региональные аспекты проблемы авторы анализируют в контексте персональных изменений в руководящих органах Центрального комитета правящей партии – Политбюро, Оргбюро и Секретариате ЦК, расстановка сил в которых, с одной стороны, обуславливалась реалиями общепартийных процессов, с другой – во многом определяла динамику кадровых перестановок в региональных органах РКП(б).

X съезд РКП(б): у истоков фракционной диктатуры

На исходе Гражданской войны большевистская партия оказалась в состоянии глубокого кризиса, приметы которого пронизывали все поры партийной жизни, выливаясь в падение дисциплины и политической активности коммунистов, отрыв «верхов» от «низов», групповщину и фракционность, угрожавшие самим основам большевизма. Начавшаяся в последние дни декабря 1920 г. дискуссия о профсоюзах еще более обострила положение в РКП(б). Оценивая ее политическое содержание, один из идеологов левого меньшевизма Ю. О. Мартов писал: «Большевистские лидеры грызутся между собой на глазах у публики, взаимно себя дискредитируют и разоблачают в неслыханной степени, а это должно развивать в массах бунтарские аппетиты, а главное парализовать энергию рядовых рабочих-коммунистов» (Мартов, 2014, с. 169–170).

Не отрицая важности подобных суждений для осмысления внутрипартийных процессов и массового партийного сознания, нельзя, однако, не обратить внимание на следующее обстоятельство, которое оказалось вне поля зрения Мартова: в обстановке всеобщего недовольства существующим режимом, вооруженных крестьянских выступлений и восстания матросов Кронштадта самые различные слои большевистской партии – ее «верхи» и «низы», «пролетарское ядро» и «интеллигентский элемент», сторонники Ленина и их оппоненты и др. – не без оснований опасались, что нарастающая фракционность и групповщина угрожают ослаблением политических позиций большевизма и, как подчеркивалось в резолюции собрания коммунистов Миасса (Челябинская губ.), могут «привести к катастрофе» (ОГАЧО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 184. Л. 7). Причем на заключительном этапе профсоюзной дискуссии подобные представления начинают выступать как доминирующие. На это указывает проведенный нами анализ 50 резолюций, принятых губернскими, городскими и уездными конференциями, а также городскими и районными собраниями уральских организаций РКП(б) в феврале – начале марта 1921 г., в 40

из которых содержалась мысль о первостепенном значении партийного единства и дисциплины, ликвидации внутрипартийного раскола для сохранения завоеваний революции и советской власти [Кружинов, Сокова, 2022, с. 145].

В этих условиях решения X съезда РКП(б) об укреплении единства партии и запрещении фракций и группировок отражали важный срез массового партийного сознания и разделялись не только сторонниками, но и немалой частью противников ленинской платформы. Голосуя за резолюцию «О единстве партии», «троцкист» К. Б. Радек говорил на съезде: «...я чувствовал, что она может обратиться и против нас, и, несмотря на это, я стою за резолюцию... Пусть ЦК в момент опасности принимает самые жесткие меры против лучших товарищей, если найдет это нужным... Пусть лучше ЦК будет ошибаться, – это менее опасно, чем наблюдаемое теперь шатание. В опасности Советская республика, в опасности Коммунистическая партия...» (Десятый съезд РКП(б)..., 1963, с. 534).

Курс на борьбу с фракционностью сопровождался персональными изменениями в центральных органах правящей партии, из состава которых были выведены наиболее активные сторонники Троцкого, включая члена Политбюро и ответственного секретаря ЦК Н. И. Крестинского, секретарей ЦК Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. В результате этих и других кадровых перемещений численность сторонников ленинской группировки в Центральном комитете возросла в два раза – с девяти во время профсоюзной дискуссии до 18 после X съезда, а их потенциальных оппонентов, наоборот, сократилось с 10 до семи человек. Под контролем ленинцев оказались Оргбюро и Секретариат ЦК. Изменился и состав Политбюро, членом которого стал Зиновьев, возглавивший вместе со Сталиным кампанию по консолидации региональных партийных организаций вокруг ленинской платформы накануне X съезда (таблица).

Состав центральных органов РКП(б) накануне и после X съезда

Центральный орган	Количество членов накануне и после X съезда РКП(б)	Количество сторонников ленинской платформы по вопросу о профсоюзах накануне и после X съезда РКП(б)	Количество противников ленинской платформы по вопросу о профсоюзах накануне и после X съезда РКП(б)
Центральный комитет	19 / 25	9 / 18	10 / 7
Оргбюро ЦК	5 / 7	2 / 7	3 / нет
Секретариат ЦК	3 / 3	нет / 3	3 / нет
Политбюро ЦК	5 / 5	3 / 4	2 / 1

Примечание. Таблица составлена по данным источников (Девятый съезд РКП(б)..., 1960, с. 432; Десятый съезд РКП(б)..., 1963, с. 618; Состав руководящих органов..., 1990, с. 71).

Политические решения X съезда оказали существенное влияние на судьбы большевизма, положив начало новому этапу трансформации внутрипартийного режима, который авторы «Заявления 46» (октябрь 1923 г.) не без оснований сравнили с фракционной диктатурой (Архив Троцкого, 1990, с. 84, 85). Ее определяющими чертами являлись концентрация главных рычагов власти в руках доминирующей группировки, изоляция или отстранение от ключевых постов ее оппонентов, преследование их за инакомыслие. В результате, как утверждали авторы «Заявления», «под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний приспособленный к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направлений действий», и «партия в значительной степени перестает быть тем живым самодеятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность» (Там же, с. 84).

Кадровые перестановки на верхних этажах партийной пирамиды: региональные практики

Становление режима фракционной диктатурой сопровождалось многочисленными перемещениями в региональных партийных органах – Астраханском, Донецком, Тульском и некоторых других губернских комитетах, из состава которых удалялись наиболее активные противники ленинской фракции.

На Урале, где во время профсоюзной дискуссии на стороне Троцкого выступали Уральское бюро ЦК РКП(б) (секретарь В. А. Воробьев, члены А. И. Израйлович, С. В. Мрачковский, Н. И. Уфимцев и др.), а также Екатеринбургский (секретарь Уфимцев) и Тюменский (секретарь С. П. Аггеев) губернские комитеты, такие перестановки начались еще накануне X съезда РКП(б) и были инициированы Зиновьевым. В феврале 1921 г. он выступил перед участниками городской партийной конференции в Екатеринбурге, которая обвинила Екатеринбургский губком в «зажимании рта» своим оппонентам и, по существу, потребовала вывести из его состава всех сторонников Троцкого. Объясняя такое решение, Зиновьев говорил в кругу своих единомышленников: «Чтобы идти вперед, нужно иметь крепкий тыл и железное единство. С теми, кто раскалывает партию, нам не по пути» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1144. Л. 45). Логическим следствием подобных практик стали результаты состоявшейся в конце февраля 1921 г. губернской конференции РКП(б), которая при выборах нового состава губкома (современники называли его «зиновьевским») забаллотировала кандидатуру Уфимцева и других «троцкистов», обвиненных в «обострении внутривнутрипартийных отношений и явной фракционности» (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 67–69; Резолюции..., 1921).

Одновременно под контроль ленинской группировки перешли губернская Контрольная комиссия и редакция печатного органа Уралбюро и Екатеринбургского губкома газеты «Уральский рабочий», занявшая в ходе предсъездовской дискуссии ярко выраженную антиленинскую позицию: по нашим расчетам, из 67 материалов, опубликованных в газете по вопросу о роли и задачах профсоюзов, только семь (10,4 %) поддерживали ленинскую платформу и 48 (71,6 %) – «троцкистскую».

В течение 1921 г. аналогичные изменения были проведены в Уралбюро ЦК РКП(б): Воробьев и Израйлович были отозваны в распоряжение Секретариата ЦК, Уфимцев – переведен на должность председателя Екатеринбургского городского Совета. Более других оставался членом Уралбюро командующий Приуральским военным округом Мрачковский, попытки отстранения которого от работы на Урале сталкивались с сопротивлением его главного «покровителя», председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) Троцкого и достигли своей цели только после расформирования округа в апреле 1922 г. Причем формальным поводом для такого решения стал малозначимый эпизод, произошедший на совещании армейских партработников Урала, которые при появлении Мрачковского в зале заседания приняли строевую стойку, что, по мнению его соперников, расходилось с нормами партийной этики и указывало на формирующийся в армии «культ» полководца.

В этих условиях в большевистской партии сохранялась и даже усиливалась сложившаяся в годы Гражданской войны жестко централизованная система комплектования высших региональных органов, которая, с одной стороны, ставила их в полную зависимость от Центрального комитета и его Секретариата, а с другой – вызывала новые, пусть и затухающие вспышки недовольства среди местных элит, считавших, что кадровые перестановки и «назначенчество» не только ущемляют их права, но и противоречат резолюции X съезда РКП(б) «По вопросам партийного строительства», провозглашавшей переход «к широкой выборности всех учреждений снизу доверху» и исключавшей «всякое назначенчество как систему» (Десятый съезд РКП(б)..., 1963, с. 563). На этой почве возникали новые конфликты, принимались дополнительные «организационные меры», следовали новые перемещения. В начале 1922 г. под предлогом включения в состав делегации РСФСР на Генуэзской конференции от руководства Уральским бюро ЦК РКП(б) был освобожден один из лидеров группы демократического централизма Т. В. Сапронов, лишь за несколько месяцев до этого отстраненный от работы в Москве и направленный для «исправления» в Екатеринбург. Новым секретарем Уралбюро стал член «ленинского»

Оргбюро ЦК П. А. Залуцкий, которого вскоре сменил Ф. И. Голощекин, поддерживавший тесные контакты с Лениным и Сталиным со времени дореволюционного подполья.

Несомненно, постоянные чистки снижали эффективность деятельности Уралбюро, до половины обновленного состава которого даже не имели опыта партийной работы на Урале и по крайней мере на первых порах не могли полноценно исполнять возложенные на них обязанности (примечательно, что почти все члены «троцкистского» Уралбюро вели партийную работу в регионе с дореволюционного времени: Воробьев – с 1916 г.; Мрачковский – с 1905 г.; Уфимцев – с 1906 г.). Вместе с тем вряд ли можно признать обоснованной позицию тех исследователей, которые оценивают данный период в истории Уралбюро как некое «межвременье», когда произошел «организационный коллапс» и «практически полностью прекратилось планомерное руководство местными партийными организациями и областными хозяйственными органами» [Воробьев, 2011, с. 39], хотя последние, как известно, подчинялись Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ), дублировать функции которого и, таким образом, «сливаться» с ним у Уралбюро ЦК не было ни правовых, ни экономических, ни иных рациональных оснований.

Кроме того, обращение к документам Уралбюро, хранящимся в Центре документации общественных организаций Свердловской области, не оставляет сомнений в том, что даже в обстановке кадрового голода начала 1920-х гг. эта структура не только занимала ключевые позиции в региональной системе политической власти, но даже повысила свой статус, сравнимый, по словам Мрачковского, с генерал-губернаторским (ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 110. Л. 60). Важнейшей прерогативой Уралбюро после X съезда становится назначение и отзыв руководящих партийных, советских и хозяйственных работников, утверждение планов работы губернских комитетов партии, контроль за их деятельностью, на которые приходилось не менее 70 % вопросов, составлявших повестку заседаний бюро.

Своеобразной иллюстрацией к сказанному является следующий пример: если за первые полтора года своей деятельности (апрель 1920 – сентябрь 1921 гг.) Уралбюро не сменило ни одного из секретарей губернских партийных комитетов региона, то только осенью 1921 г. оно сделало это дважды, проведя изменения в составе Тюменского и Пермского губкомов, первый из которых «не проявил достаточной решительности» в отношении делегатов губернского съезда Советов, выступивших против «рекомендованного» Уралбюро списка нового состава губисполкома, а второй не сумел вовремя парализовать оппозиционную деятельность видного участника «рабочей оппозиции» в Мотовилихе Г. И. Мясникова. Причем секретарем Тюменского губкома был назначен А. И. Зыков, один из немногих членов Екатеринбургского губкома, поддержавший во время профсоюзной дискуссии ленинскую платформу, а Пермскую губернскую организацию РКП(б) возглавил М. М. Харитонов, работавший до своего назначения под руководством Зиновьева в Петрограде [Кружинов, 2000, с. 129–130].

Кадровые перестановки на нижних этажах партийной пирамиды: региональные практики

Аналогичная динамика наблюдается и на нижних этажах партийной пирамиды. Так, если в первые годы советской власти губернские комитеты Урала лишь эпизодически вмешивались в формирование уездных органов, то после X съезда такая практика стала постоянной. Проведенные нами расчеты показали, что к началу 1922 г. из девяти секретарей уездных комитетов Екатеринбургской губернской организации РКП(б), о которых имеются сведения, двое заняли данную должность по прямому распоряжению губкома, сместившего их предшественников из-за неудовлетворительных «деловых качеств» или участия в конфликтах между соперничавшими группами местных руководителей. Схожая картина была и в Тюменской губернской партийной организации, где из семи руководителей уездных комитетов двое являлись назначенцами губкома. Причем один из них приступил к исполнению своих обязанностей, даже не являясь членом укома, куда был кооптирован с трехнедельным «опозданием» (ГАСПИТО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 39. Л. 171). В общей сложности в течение года после X съезда РКП(б) губернские комитеты Урала осуществили персональные изменения в составе 11 уездных комитетов – Ирбитском,

Ишимском, Камышловском, Красноуфимском, Троицком, Туринском, Шадринском и др., а также в ряде райкомов.

Пожалуй, наиболее резонансным из них стало «дело» Мотовилихинского районного комитета РКП(б), который, по словам Харитонова, «заразился “мясниковщиной”» и был переизбран «по списку» Пермского губкома (ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 145. Л. 1), спровоцировавшего своими действиями череду протестов среди сторонников Мясникова и даже их выходы из партии. Так, если в первые месяцы 1922 г. численность районной организации была стабильной (январь – 378, февраль – 377, март – 375, апрель – 373 коммунистов), то только в мае она сократилась до 279 членов партии (убыль на 94 человека, т.е. на 25,2 %) (ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 118. Л. 87).

Вместе с тем всплеск оппозиционных выступлений в Мотовилихе охватил лишь часть партийной организации, более половины состава которой либо «ушли в себя» и дистанцировались от субъектов разрастающегося конфликта, либо встали на сторону губкома, опасаясь, что «мясниковщина» приведет к ослаблению политических позиций большевистской партии и усилению враждебных настроений в обществе.

В этих условиях Пермский губком продолжал «завинчивать гайки» и, как отмечалось в информационном письме Харитонова в ЦК РКП(б), «не обращал ни на что внимание» и «вел свою коммунистическую линию прямо и без обиняков» (ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 40. Л. 41): по «рекомендации» губкома были переизбраны примкнувшие к оппозиции секретари нескольких партийных ячеек Мотовилихинского завода, оппозиционно настроенных коммунистов лишали права выступать на партийных собраниях, исключали из партии, а сам Мясников был арестован и выслан в Москву. Причем в высших эшелонах РКП(б) подобные шаги, как правило, встречали безоговорочную поддержку. «В такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок, – подчеркивал, например, Ленин, – в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины» (Ленин, 1970а, с. 89).

«Казус» Уфимцева

Правда, в единичных случаях партийные органы отступали от этой нормы и даже «реабилитировали» «нарушителей дисциплины». Так произошло с бывшим секретарем Екатеринбургского губкома Уфимцевым, который в конце 1921 г. вновь был избран на эту должность и вернулся в большую региональную политику. Такой поворот в судьбе одного из активных сторонников Троцкого являлся уникальным для того времени событием и обуславливался как чередой серьезных провалов в работе «зиновьевского» губкома, инициировавшего в конце концов собственную отставку, так и личными качествами самого Уфимцева, одного из наиболее известных на Урале представителей «старой большевистской гвардии», сумевшего даже после вынужденного отстранения от руководства губкомом сохранить репутацию опытного руководителя. Свою роль сыграли и дружеские связи Уфимцева со многими представителями не только региональной, но и высшей партийно-советской элиты, которые продолжались со времени дореволюционного подполья и переплетались на почве родственных отношений – его жена была сестрой вдовы бывшего председателя ВЦИК Я. М. Свердлова¹.

В то же время «реабилитация» Уфимцева во многом носила условный характер и оказалась непродолжительной. Поводом для его очередной отставки стали критические выпады в адрес Уралбюро ЦК, которое, постоянно вмешиваясь в повседневную деятельность губернских комитетов региона, превратилось, как утверждал Уфимцев в письме Сталину, в «несчастье Урала», чьи решения принимались «всегда без нашего участия, на основании не нашей информации, без всяких попыток притянуть нас» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 36). В условиях, когда часть членов Екатеринбургского губкома разделяла взгляды Уфимцева и угроза расширения конфликта на высших этажах региональной партийной пирамиды становилась вполне реальной, Уралбюро с согласия Секретариата ЦК исключило его фамилию из списка нового состава губкома, выборы которого должны были состояться на очередной губернской конфе-

рени РКП(б) в июне 1922 г., а сам Уфимцев направляется на работу за пределы Урала (ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 69. Л. 218–219).

Неизбежными следствиями этих процессов являлись дальнейшее усиление приказных методов в работе партийного аппарата, его растущая бюрократизация и обособление от партии. В резолюции Уральского областного партийного совещания, состоявшегося в марте 1922 г., признавалось, что «принципы внутривнутрипартийной демократии после целого года работы в мирных условиях не проведены в жизнь» и «важнейшие решения по-прежнему принимаются без активного участия масс» (ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 73. Л. 8). Однако, как правило, такая критика не связывала антидемократическую практику с нарастанием аппаратных методов руководства партийными организациями и тем более ужесточением внутривнутрипартийного режима. Многие партийные работники были искренне убеждены, что «демократизм в партийной работе пока еще не применим» и «может принести только ущерб делу». Они требовали «подвинтить гайки», «признать крайне необходимым так называемое назначенчество» (Там же. Л. 15–16).

Наращение централистских тенденций в жизни партийных организаций Урала ярко проявилось накануне XI съезда РКП(б), когда Екатеринбургский и Тюменский губкомы отказались от проведения предсъездовских губернских партийных конференций под тем предлогом, что «повестка съезда не располагает к разговорам и дискуссиям» (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 62. Л. 149–150; Д. 457. Л. 20; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 110. Л. 18). В результате делегаты на съезд от этих организаций были выбраны небольшой группой местных партийных руководителей на пленумах губернских комитетов и, как не без иронии отмечалось в докладе мандатной комиссии съезду, получилось так, что каждый делегат «сам себя и выбирал» (Одиннадцатый съезд РКП(б)..., 1961, с. 366).

Впрочем, последнее замечание в равной мере относится и к тем уральским делегациям, члены которых избирались на XI съезд на Пермской и Челябинской губернских партийных конференциях, но по своему должностному положению и статусу не отличались от делегатов Екатеринбургской или Тюменской организаций. «В наше время, – констатировали в этой связи авторы “Заявления 46”, – не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые... становятся распорядительными совещаниями этой иерархии» (Архив Троцкого, 1990, с. 84). Проведенный нами анализ персонального состава делегатов XI съезда от четырех губернских организаций Уральского региона полностью подтверждает эту тенденцию: из 38 человек три были делегированы Уралбюро ЦК, 14 являлись секретарями или входили в состав губернских комитетов, восемь возглавляли уездные или районные комитеты партии, не менее девяти занимали руководящие должности в советских, хозяйственных или профессиональных региональных структурах. Среди них только два человека поддерживали в дискуссии о профсоюзах платформу Троцкого (Одиннадцатый съезд РКП(б)..., 1961, с. 701–715). Назначенные на занимаемые должности по «рекомендации» вышестоящих органов, они оказывались в независимом от местных организаций положении и отражали важный аспект партийно-аппаратных отношений, который И. В. Павлова, исследовавшая данную проблему на материалах Сибири, метко охарактеризовала как «круговую поруку» [Павлова, 1990, с. 80].

Заключение

Курс на усиление аппарата централизованного контроля пронизывал все основные решения состоявшегося в конце марта – начале апреля 1922 г. XI съезда РКП(б). Особое значение для судеб партии имели перестройка Секретариата ЦК и учреждение должности генерального секретаря, которым на Пленуме ЦК 3 апреля 1922 г. был избран Сталин. В условиях, когда большевистская партия являлась единственной организованной политической силой в стране, этот пост приобретал ключевое значение во всей системе партийно-государственных отношений. Под контролем генсека велась подготовка съездов, конференций и пленумов ЦК, решались кадровые вопросы, в том числе на региональном уровне. В совокупности это вело к концентрации в его руках необъятной и ориентированной на борьбу с «фракционерами» власти, создавало новую ситуацию на вершине партийной пирамиды, еще более ущемляя позиции

Троцкого, чьи отношения со Сталиным составляли, по словам Ленина, «большую половину опасности... раскола» в партийных верхах (*Ленин*, 1970b, с. 344).

Судя по всему, Ленин отчетливо осознавал такую перспективу, о чем свидетельствует его «Письмо к съезду», основная часть которого заключалась в персональных характеристиках ведущих членов ЦК, включая Сталина: «Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится недопустимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места» (Там же, с. 346).

Из характеристики, данной Лениным руководителям ЦК, вытекали определенные политические выводы. По мнению Троцкого, Ленин хотел провести в «верхах» партии такую перестройку руководящих кадров и создать такие условия, которые «дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома... Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу» (*Троцкий*, 1991, с. 455).

Н. А. Васецкий, комментируя эту фразу, полагает, что за ней скрывалось желание Троцкого видеть себя «наследником не только и, может быть, не столько самого поста Ленина в Совнаркоме, сколько его реального места и роли в государстве и партии» [*Васецкий*, 1992, с. 180]. Хотя такой вывод и разделяется некоторыми историками [*Сироткин*, 2004, с. 205; *Емельянов*, 2007, с. 419–420], он вряд ли безупречен. Терминологические и смысловые различия между тем, что писал Троцкий (стать преемником Ленина в СНК) и интерпретацией его слов Васецким (стать вождем в государстве и партии) настолько существенны, что признать их тождество было бы, на наш взгляд, опрометчиво. К тому же Троцкий не мог не осознавать, что, характеризуя его как «самого способного человека в настоящем ЦК» (*Ленин*, 1970b, с. 345), Ленин не случайно указал на такие черты характера Троцкого, как чрезмерная самоуверенность и склонность к администрированию, увязать которые с образом «вождя партии и государства» было, по-видимому, невозможно. Отвечая тем, кто обвинял его в стремлении занять «место Ленина в партии и государстве», Троцкий писал: «Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом. Я считал, что это может внести такую деморализацию в наши ряды, за которую, даже в случае победы, пришлось бы жестоко расплачиваться» (*Троцкий*, 1991, с. 458).

С другой стороны, стремления Ленина путем смещения Сталина с поста генсека реанимировать внутрипартийную демократию и облегчить «руководящую работу» Троцкому, скорее всего, были призрачными. Причем в данном случае проблема заключалась не столько в том, чтобы отстранить Сталина, сколько в изменении антифракционной направленности той группировки, которая, господствуя в ЦК после X съезда РКП(б), выдвинула его на это место. Такая перестройка требовала реконструкции всего партийного здания, пересмотра внутрипартийных отношений, а по большому счету – и всей советской политической системы.

Примечания

¹ В последующие годы Н. И. Уфимцев (как и упомянутые в статье В. А. Воробьев, А. И. Израилович и С. В. Мрачковский) активно участвовал в «троцкистской» оппозиции, исключался из партии, арестовывался и в 1938 г. был расстрелян. В советское время его имя, если и упоминалось в исторической литературе, то неизменно в качестве «троцкиста», «оппортуниста» или «врага народа». Единственным исключением из этого правила являлась книга воспоминаний известного уральского большевика, члена РСДРП с 1908 г., Почетного гражданина г. Перми В. Ф. Сивкова (1889–1979) (*Сивков*, 1968), который знал Уфимцева по партийной работе с дореволюционного времени и в своих мемуарах всегда с теплотой отзывался о нем. В 1976 г. один из авторов данной статьи познакомился и несколько раз беседовал с Сивковым, задав ему в том числе вопрос, касавшийся содержащейся в его воспоминаниях оценки личных качеств и партийной работы Уфимцева. Ответ Сивкова был следующим: «Николая Ивановича сейчас забыли. Это был человек, к которому все относились с уважением. Он обладал необычайными деловыми качествами. Поэтому его и избирали секретарем губкома. Других таких почти не было» (Архив В. М. Кружинова. Беседы с В. Ф. Сивковым)

Список источников

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 39. Л. 171.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 324. Оп. 1. Д. 184. Л. 7.

- Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 557. Оп. 4. Д. 145. Л. 1.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 36.
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 1144. Л. 45; Ф. 76. Оп. 1. Д. 62. Л. 149–150; Д. 245. Л. 67–69; Д. 457. Л. 20; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 40. Л. 41; Д. 69. Л. 218–219; Д. 73. Л. 8, 15–16; Д. 110. Л. 18, 60; Д. 118. Л. 87.
- Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 года. Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 650 с.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: стен. отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. 915 с.
- Одиннадцатый съезд РКП(б), март – апрель 1922 года: стен. отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. 873 с.
- Ленин В.И.* XI съезд РКП(б): политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1970а. Т. 45. С. 69–116.
- Ленин В.И.* Письмо к съезду // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1970b. Т. 45. С. 343–348.
- Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: ТЕРРА, 1990. Т. 1. 256 с.
- Мартов Ю.О.* Письма и документы. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2014. 543 с.
- Сивков В.Ф.* Пережитое. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1968. 262 с.
- Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 624 с.
- Состав руководящих органов Центрального Комитета партии – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 69–136.
- Резолюции Екатеринбургской губернской конференции РКП(б) // Уральский рабочий. 1921. 22 февраля.

Библиографический список

- Васецкий Н.А.* Троцкий: опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. 351 с.
- Воробьев С.В.* Т.В. Сапронов и деятельность Уралбюро ЦК РКП(б) в конце 1921 – начале 1922 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: Изд-во УМЦ Урал. политехн. ин-та, 2011. Т. 2. С. 38–43. EDN: RVXZYU.
- Емельянов Ю.В.* Сталин. Путь к власти. М.: Вече, 2007. 576 с.
- Жуков Ю.Н.* Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы. М.: Аква-Терм, 2014. 449 с. ISBN: 978-5-905024-20-7. EDN: SEUVHW.
- Иванович С.* ВКП: десять лет коммунистической монополии. Париж: Библиотека демократического социализма, 1928. 256 с.
- Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. 231 с. DOI: 10.31857/S0869568722040185. EDN: JBDVTF.
- Кружинов В.М., Сокова З.Н.* Дискуссия о профсоюзах на Урале // Российская история. 2022. № 4. С. 136–146.
- Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2002. 204 с.
- Олех Г.Л.* Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гуманит. ин-та, 1995. 145 с.
- Павлова И.В.* Становление партийно-аппаратной системы в СССР // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 72–92.
- Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.
- Пашин В.П., Свириденко Ю.П.* Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М.: Гос. акад. сферы быта и услуг, 1998. 244 с.
- Писаренко К.А.* Тридцатилетняя борьба в Политбюро. 1923–1953. М.: Вече, 2006. 349 с.
- Резник А.В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2018. 392 с. EDN: UODXUX.
- Сироткин В.Г.* Почему Троцкий проиграл Сталину? М.: Алгоритм, 2004. 384 с. ISBN: 5-9265-0127-X. EDN: QOVTHR.

Daniels R.V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1960. 524 p.

Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. 432 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.01.2025

AT THE ORIGINS OF THE FACTIONAL DICTATORSHIP REGIME: PERSONNEL CHANGES IN CENTRAL AND REGIONAL (URAL) PARTY BODIES AFTER THE 10TH CONGRESS OF THE RCP(B)

V. M. Kruzhinov

Tyumen State University, 6 Voldarsky St., Tyumen, 625003, Russia

v.m.kruzhinov@utmn.ru

Scopus Author ID: 57195629744

ResearcherID: MCJ-5186-2025

SPIN: 5475-3852

Z. N. Sokova

Tyumen State University, 6 Voldarsky St., Tyumen, 625003, Russia

z.n.sokova@utmn.ru

Scopus Author ID: 57195631073

ResearcherID: MCJ-5155-2025

SPIN: 4112-9046

The article analyzes a little-studied issue based on materials from the Urals—personal changes in the governing bodies of the Bolshevik Party aimed at strengthening the positions of Lenin's faction and isolating its opponents after the 10th Congress of the RCP(b). The mechanisms and dynamics of personnel reshuffles in the Ural Bureau of the Central Committee, provincial, city, county, and district committees of regional party organizations, as well as in its central bodies—the Politburo, Central Committee, Secretariat, and Orgburo of the Central Committee—are examined. These changes radically altered the balance of power at all levels of the party hierarchy and completed the process of concentrating power levers in the hands of Lenin's faction. It is established that the practice of personnel movements and persecution of party workers for dissent, which acquired a systematic character after the 10th Congress, was accompanied by an increase in bureaucratic methods of party management. This objectively led to the tightening of the intra-party regime, transforming it into a factional dictatorship, which became a defining factor in the evolution of Lenin's model of power into Stalin's. Under these conditions, calls for the revival of intra-party democracy, including through Stalin's removal from the post of General Secretary, as expressed in Lenin's later works, were illusory. These proposals did not imply a rejection of the "anti-factional" policy pursued by the faction dominating the party after the 10th Congress, which had advanced Stalin to this position. Such restructuring would have required a reconstruction of the entire party structure, profound reform of the entire system of intra-party relations, and, fundamentally, of the entire Soviet political system. The primary source base of the article consists of archival and published documents, materials from the periodical press, memoirs, and correspondence of contemporaries.

Key words: Bolshevism, intra-party regime, personnel policy, factionalism, Urals.

References

Daniels, R. V. (1960). *The conscience of the revolution: Communist opposition in Soviet Russia*. Harvard University Press.

Halfin, I. (2007). *Intimate enemies: Demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928*. University of Pittsburgh Press.

Ivanovich, St. (1928). *VKP: Ten years of Communist monopoly*. Biblioteka demokraticeskogo sotsializma.

Kruzhinov, V. M. (2000). *Political conflicts in the first decade of Soviet power (based on materials from the Urals)*. Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.

Kruzhinov, V. M., & Sokova, Z. N. (2022). Discussion about trade unions in the Urals. *Rossiyskaya istoriya*, 4, 136–146.

Nazarov, O. G. (2002). *Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik Party under the conditions of the NEP*. Institut vseobshchey istorii RAN.

Olekh, G. L. (1995). *The party machine of the RCP(b) in the early 20s: Structure and functioning*. Novosibirskiy gumanitarnyy institut.

- Pashin, V. P., & Sviridenko, Yu. P. (1998). *Cadres of the Communist nomenklatura: Methods of selection and education*. Gosudarstvennaya akademiya sfery byta i uslug.
- Pavlova, I. V. (1990). The formation of the party-apparatus system in the USSR. In *Current problems in the history of Soviet Siberia* (pp. 72–92). Nauka.
- Pavlyuchenkov, S. A. (2008). *"The Order of the Swordbearers": The party and power after the revolution, 1917–1929*. Sobraniye.
- Pisarenko, K. A. (2006). *Thirty years of struggle in the Politburo. 1923–1953*. Veche.
- Reznik, A. V. (2018). *Trotsky and his comrades: The left opposition and the political culture of the RCP(b), 1923–1924*. Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Sirotkin, V. G. (2004). *Why did Trotsky lose to Stalin?* Algoritm.
- Vasetskiy, N. A. (1992). *Trotsky: The experience of a political biography*. Respublika.
- Vorobyov, S. V. (2011). T. V. Sapronov and the activities of the Ural Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) in late 1921–early 1922. In *The industrial Urals. Bakunin readings* (Vol. 2, pp. 38–43). Izdatel'stvo UMTs Ural'skogo politekhnicheskogo instituta.
- Yemelyanov, Yu. V. (2007). *Stalin: The path to power*. Veche.
- Zhukov, Yu. N. (2014). *The flip side of the NEP: Economics and political struggle in the USSR. 1923–1925*. Akva-Term.